

Шпак Л.Ю.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
ул. Моховая, д. 11, Москва, 125009, Россия*

АНТРОПОЛОГИЯ И ИСКУССТВО (О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЛАНАХ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОПУЛЯЦИЙ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)

Введение. *Статья представляет собой ретроспективный обзор результатов антропологического изучения изобразительных источников, достигнутых лабораторией расоведения под руководством д.б.н. И.В. Перевозчикова и продолжающихся в настоящее время.*

Материалы и методы. *Описания материалов и методики подробно изложены в основных статьях коллектива, приведённых в библиографии.*

Результаты и обсуждение. *Антропологическое изучение произведений изобразительного искусства является новым междисциплинарным направлением в антропологии, оно ведётся в двух направлениях: 1) изучение западноевропейского портрета и русской портретной живописи, 2) изучение древних изобразительных памятников, в том числе античной скульптуры и живописи. Идея применения древних изображений человека в антропологии не нова, но разработка популяционного подхода к анализу серий изображений принадлежит И.В. Перевозчикову. Были описаны как выборки из популяций около полутора тысяч живописных портретов, получены групповые антропологические характеристики и оценки степени однородности состава популяций с помощью обобщённого портрета. Антропологическое описание древнего населения Средиземноморья получены по выборкам: фаюмского портрета, римского скульптурного портрета, этрусского портрета. В эволюции портрета прослеживается определенная стадильность в отображении физической индивидуальности, а изображения человека могут быть рассмотрены с позиции антропозстетики как маркеры биологических и социальных потребностей человека в аутоидентификации.*

Заключение. *Сочетание описательной методики и обобщённого портрета позволяет получить объективные данные об антропологическом типе изображённого населения. Извлечение антропологической информации о древних популяциях, которая заключена в разнообразных изобразительных ресурсах мирового культурного наследия, нуждается в междисциплинарном синтезе научных идей и знаний специалистов естественнонаучного и гуманитарного профиля.*

Ключевые слова: этническая антропология; антропозстетика; историческая антропология; первобытное искусство; древнее искусство; античный портрет; живописный портрет

Илья Васильевич Перевозчиков (1939–2021)
Ilya Vasil'evich Perevozchikov (1939–2021)

*Искусство, в отличие от науки, познаёт
индивидуальное, а не общее.*
Б. Кроче, 1902 г.

Введение

Искусство в его многообразных формах может рассматриваться как одна из определяющих характеристик *Homo sapiens* и как сложный биосоциальный феномен человеческой культуры, требующий междисциплинарного подхода и интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания в его изучении. Изобразительное искусство несёт в себе огромную информационную составляющую, поскольку сведения о духовной и материальной культуре, а главное о физическом облике людей, которые отражены в изобразительных памятниках, чрезвычайно актуальны для антропологии. Антропология искусства, относящаяся к сфере социальных наук, изучает различные аспекты (исторические, экономические, эстетические и пр.), в том числе традиционного, этнологического искусства. Применяя это словосочетание к физической антропологии, мы ограничиваемся изучением исключительно биологической его составляющей, а именно, отражением морфологической изменчивости древнего и современного населения в памятниках материальной культуры и произведениях изобразительного искусства. Идея применения

древних изображений человека в антропологии не нова, но разработка популяционного подхода к анализу серий изображений принадлежит И.В. Перевозчикову. В отечественном расоведении и этнической антропологии всегда уделялось большое внимание расширению границ антропологических исследований и разработке новых направлений и методов [Алексеев, 1980; Алексеева, 2002]. Антропологическое изучение реалистических изображений человека в древнем и современном изобразительном искусстве, прежде всего портретном искусстве, является продолжением этого подхода и новым междисциплинарным направлением в антропологии. Ретроспективное ознакомление с результатами работ, достигнутыми лабораторией расоведения под руководством д.б.н. И.В. Перевозчикова и продолжающимися в настоящее время представляют собой цель данной работы.

*От антропологической фотографии
к живописному портрету*

Иконографические источники, наравне с письменными, представляют собой научную ценность, как для этнологов, историков, археологов, так и для антропологов [Бунак, 1927; Дебец, 1948; Рогинский, 1965, 1982; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985]. Антропологи постоянно сталкиваются с необходимостью использования различного изобразительного материала в процессе своего обуче-

ния и дальнейшей исследовательской деятельности. Коллекционные фонды музея антропологии МГУ [Алексеева, 1993; Ефимова, Сухова, 2015; Ефимова с соавт., 2015] содержат обширные коллекции этнографического и археологического материала, в том числе изобразительного характера (живопись, рисунки, скульптура, коллекции масок, и т.д.), скульптурные антропологические реконструкции, которые используются в учебной, научно-исследовательской и просветительской деятельности. Немаловажную часть музейного фонда составляют коллекции фотоматериалов, представляющие собой как историческую фотографию, так и современную экспедиционную фотохронику, а также фотобанки данных по антропологической фотографии.

Один из важных инструментов, который применяется в практике антропологов, как «неотъемлемая и чрезвычайно важная часть антропологической методики» [Бунак, 1941, с. 129] – это антропологическая фотография. С применением в научных экспедициях антропологической фотографии началось формирование обширной базы фотоматериалов по многочисленным выборкам из популяций практически на всей территории СССР. В дальнейшем происходила разработка методических приёмов использования антропологической фотографии для определения количественных и качественных признаков головы и лица, а также возможностей получения суммарных характеристик выборок по фотографии [Бунак, 1959; Цветкова, 1976; Алексеева, Виниченко, Павловский, 1979; Перевозчиков, 1987]. Благодаря активному развитию метода обобщённого портрета стал возможным переход на качественно новый уровень в анализе и интерпретации визуальных данных по изменчивости популяций [Маурер, 2006; Перевозчиков, Маурер, 2009]. «Обобщённый портрет существенно дополняет антропологическую характеристику популяции в первую очередь за счёт визуализации признаков, которые не могут быть измерены или охарактеризованы каким-либо иным путём» [Перевозчиков, 2010, с. 29]. Визуальный образ группы, который воспроизводит обобщённый портрет, переключается с мнением В.В. Бунака об «общем впечатлении» от антропологической фотографии, характеризующей «форму в целом» [Бунак, 1941, с. 234]. Об этом соотношении визуального и мысленного образов при восприятии обобщённого портрета говорил в своей последней статье И.В. Перевозчиков [Перевозчиков, Шпак, 2020]. В.В. Бунак успел ознакомиться

с некоторыми первыми работами по обобщённому фотопортрету и, по воспоминаниям И.В. Перевозчикова, проявил к ним значительный интерес. По всей видимости, В.В. Бунак видел одни из первых обобщённых фотопортретов некоторых групп населения Средней Азии [Павловский, Перевозчиков, 1977]. На сегодняшний день в НИИ антропологии создана уникальная коллекция обобщённых портретов по выборкам из популяций практически всех народностей Северной Евразии [Перевозчиков, 2010]. Разработка методических приёмов получения цветного обобщённого портрета с помощью цифровой фотосъёмки и цифровых методов суммирования изображений [Маурер, 2006], а также появление компьютерных программ BMPtone и faceOnface [Перевозчиков с соавт., 2011; Maurer, Savinetsky, Syroezhkin, 2014], обеспечили возможность привлечения новых для этнической антропологии материалов – художественных изобразительных источников с целью изучения и визуализации антропологического состава европейского населения в широком хронологическом диапазоне.

Материалы и методы

Все рассмотренные в статье выборки изображений описывались по стандартной антропологической методике, обобщённые портреты производились с помощью упомянутых выше компьютерных программ. Подробные описания материалов и методики изложены в основных статьях лаборатории расоведения, приведённых в списке литературы.

Результаты и обсуждение

Портретная живопись в антропологии

В истории европейского портрета выделяются периоды, которые отличаются сочетанием реалистичности и индивидуальности портретных изображений, представительной численностью произведений, относящихся к определённому географическому региону, что делает возможным применение популяционного подхода и стандартной методики [Бунак, 1941] к их антропологическому описанию. Серии живописных портретов с конца XV века – до XIX века включительно, отражающие морфологическую изменчивость этно-территориальных групп Европы от позднего

средневековья и до Нового времени, представляют собой ценный научный материал для антропологического изучения. Именно к этому краткому периоду в истории европейского изобразительного искусства, по мнению известных теоретиков и историков искусства, относится феномен «персонального» портрета [Трофимова, 2018]. После тысячелетнего перерыва (если учитывать позднеантичную живопись и римский скульптурный портрет I-III веков), значимый интерес к человеческой личности и физической индивидуальности вновь проявляется с эпохи Возрождения, художники успешно решают задачи геометрической гармонии и перспективы, в Европе формируются крупные школы портретистов. За пределами Европы развитие портретного направления в изобразительном искусстве происходило локально, а «...все ключевые понятия портретного жанра – индивидуальность, внутренний мир, реализм, сходство с моделью – имеют глубокие различия в разных культурах» [Трофимова, 2018, с.5]. Пилотное исследование лаборатории расоведения под руководством д.б.н. И.В. Перевозчикова по европейскому живописному портрету было направлено, прежде всего, на проверку информативных возможностей самого материала в качестве антропологического источника [Перевозчиков, Давыдова, 2006]. В первую очередь был проработан методический аспект: проведена коннекция со стандартной методикой определения признаков и адаптация некоторых из них к специфике материала, составлена программа признаков. Было изучено 179 портретов, из которых самыми многочисленными были выборки по голландцам (50 портретов), итальянцам (38) и русским (48). По этим этно-территориальным группам были получены описательные антропологические характеристики и проведён дискриминантный анализ, который, ожидаемо, показал разделение по этнической принадлежности, а результаты сравнения (по отдельным признакам) с литературными данными по современному западноевропейскому населению оказались сопоставимы. Выборка русских портретов была сравнена с выборкой по антропологической фотографии русских крестьян XIX века (коллекция Н.Ю. Зографа Музея антропологии МГУ) и с данными по некоторым признакам, характери-

зующим восточноевропейский морфологический комплекс, которые также оказались сопоставимы. Несмотря на небольшую численность выборок, живописный портрет продемонстрировал свой информативный потенциал для дальнейших исследований. На следующем этапе работы коллектива уже на более широком материале была изучена русская портретная живопись XVIII- начала XIX в., в рамках темы была защищена кандидатская диссертация [Локк, 2011]. Выбор материала был обусловлен наличием большого массива сравнительных данных по современному русскому населению и возможностью идентификации портретируемого (генеалогии и исторические сведения), что позволило применить популяционный подход при морфологическом анализе. Было описано 668 живописных портретов населения России по двадцати шести признакам. В результате работы впервые на художественном материале получены объективные данные об антропологическом типе с применением двух разных методик – описательной и методом обобщённого портрета. Полученные описательные антропологические характеристики социальных слоёв населения России XVIII – начала XIX в. выявили некоторые морфологические отличия между дворянским и купеческим сословиями в пределах варианта средневропейского антропологического типа. В разработке методической части работы была определена степень информативности описательных признаков в зависимости от положения головы индивида на портрете и степень надёжности конкретных признаков. Были исключены из программы как ненадёжные признаки по живописным портретам: наклон лба, выступание подбородка, профиль верхней губы, форма мочки уха [Локк, 2011]. Результаты сравнения полученных характеристик по живописи с данными по антропологии русского населения середины XX века продемонстрировали тождественность описаний популяций по двум источникам информации (антропометрической и живописной) и подтвердили антропологическую ценность живописного материала [Перевозчиков с соавт., 2011; Локк, 2011]. Однако проблема передачи индивидуального сходства в живописном портрете оставалась до определённой степени априорно решённой, отчасти в связи с исторически

сложившейся доминирующей мемориальной и репрезентативной функцией портрета: заказчики требовали от художника полного сходства (различные дефекты внешности и проч. тому свидетельства) для «памяти потомству». Мера сходства в портрете, идентичность и возможность «объективной» т.н. ошибки художника могут быть верифицированы через: 1) пластическую реконструкцию лица по черепу, 2) сравнение с описанием в исторических источниках, 3) сравнение портрета и фотографии индивида (только для последних 150 лет), 4) сопоставление портретов индивида, написанных разными художниками. Вопросы реалистичности портретных изображений: индивидуальное сходство и художественный субъективизм (стилистическая неоднородность, манера художника) были частично решены в рамках диссертации К.Э. Локк Автор пришёл к заключению, что вариации признаков на портретах индивида, выполненных разными художниками, не существенны для антрополога, поскольку не выходят за пределы (в масштабе мировой шкалы изменчивости) значений одного и того же балла [Локк, 2011]. Однако наблюдения автора носили описательный, качественный характер, выводы были сделаны на основе сравнений портретов известных исторических личностей, изображения которых априори требовали повышенной ответственности в исполнении. Положения об антропологической достоверности изобразительной информации живописного портрета были повторно проверены и подтверждены, уже в количественном отношении [Вергелес, 2018]. На основе антропологического описания 120 портретов было составлено по 30 пар портретов одного и того же человека, выполненных разными художниками (изображения XVI–XVII вв.) и портретов-фотографий, где запечатлён один и тот же человек (вторая половина XIX в.). Для каждой пары была рассчитана средняя разница в определениях каждого признака, которая не превышала половины балла, т.е. расхождения в баллах оказались, действительно, минимальными (в пределах ошибки метода), что свидетельствует о точности передачи морфологических особенностей лица художником и, по сути, подтверждает антропологическую достоверность реалистической портретной живописи. Такие признаки как

цвет глаз, высота крыла носа, толщина нижней губы определялись на парах портретов с большей разницей в баллах, что говорит об их меньшей идентичной значимости для художников при воспроизведении черт лица на портрете (и «узнавании» заказчиком) [Вергелес, 2018].

Ещё одна задача, которая была решена с целью доказательства информативности методики обобщённого портрета для работы с живописными антропологическими источниками – сравнение обобщённых портретов, полученных из разных выборок одной группы (популяции) и возможность оценки морфологической однородности группы. Визуальные антропологические характеристики для обобщённых изображений, полученных для двух выборок портретов (72 и 68, живопись) населения Голландии XV–XVII вв. оказались тождественными, также, как и для выборок портретов, (77 графических и 43 живописных) французской аристократии XV–XVI вв., выполненных в разной технике [Вергелес, 2018]. Визуальная тождественность обобщённых портретов из разных выборок одной группы (популяции) и сопоставимость антропологических характеристик этих выборок может быть свидетельством объективности групповой характеристики даже при возможных ошибках художника в индивидуальных портретах. Ранее были получены аналогичные результаты по антропологической фотографии, которые продемонстрировали робастность метода суммарного обобщения изображений при численности от 25 и выше: обобщённые портреты двух выборок из русского староверческого населения Сибири оказались практически идентичными, что «...хорошо отражает сходство генофонда в выборках из одной и той же популяции» [Маурер, Перевозчиков, 1999, с. 96; Маурер, 2006]. Возможность визуальной оценки степени однородности состава популяции, которую обеспечивает метод обобщённого портрета, как по антропологической фотографии, так и по живописным портретам, является удобным и объективным аналитическим инструментом – визуальные характеристики «работают» даже при отсутствии статистически значимых морфологических отличий. Это положение подтвердилось при работе с групповыми портретами жителей Амстердама XVI–XVII вв. Численность портретов (109) позволила разде-

лить выборку на две временные когорты и со-здать, помимо описательной характеристики, обобщённые портреты «ранних» и «поздних» голландцев [Перевозчиков с соавт., 2015]. Выявленные хронологические различия в физическом типе населения Амстердама могут отражать как некий секулярный тренд, так и классово-сословную, этническую стратификацию населения, что требует подтверждения на более многочисленном материале. С аналогичными различиями столкнулись при сравнении обобщённых портретов столичного и уездного российского дворянства, а также с выборками портретов представителей офицерского корпуса Отечественной войны 1812 г. [Локк с соавт., 2012]. Результаты работы по другим западноевропейским выборкам портретов (426 портретов испанцев, французов, немцев) были коллективно представлены на двух конференциях в 2017 году и частично опубликованы Вергелес М.О.

Таким образом, проведённые исследования показали, что портретная живопись, также, как и антропологическая фотография отображает групповые антропологические характеристики, а метод обобщённого портрета помогает визуализировать морфологическую однородность/неоднородность группы. Даже при возможных искажениях в изображении отдельных признаков на портрете, точность художественных портретов достаточна для описания особенностей группы, а сочетание описательной методики и обобщённого портрета позволяет получить объективные данные об антропологическом типе изображённого населения. Для дальнейшего сравнительного анализа данных по антропологии европейского населения на основе произведений искусства, необходимо создание новых серий этно-территориальных выборок по живописному портрету более суженных хронологических диапазонов с возможным привлечением синхронного материала по скульптурному портрету; не лишено смысла, в качестве сравнительного материала, рассмотрение антропологических «возможностей» более ранних образцов средневекового портрета.

*Первобытное и древнее искусство
в антропологии*

В отсутствие письменных источников для некоторых исторических эпох, древние изображения человека могут представлять информативную ценность для исторической науки, а в

отсутствии палеоантропологического материала – для расоведения и этнической антропологии. Это справедливо относится не только к реалистическим изображениям человека, но и к условным, антропоморфным, поскольку они относятся «...к так называемым этнезирующим признакам культуры...» [Антонова, 1977, с. 6], их изучение может «осветить важные для антрополога контакты между разными этническими группами в связи с их переселениями и степенью изоляции» [Рогинский, 1965, с.152]. В эволюции портрета прослеживается определенная стадильность в отображении физической индивидуальности человека: мелкая пластика, маска, скульптурный портрет, живописный портрет. Однако, в приложении к антропологии, в связи с отсутствием аналитического инструмента и методик описания всего многообразия древних антропоморфных изображений человека, мы, фактически, можем использовать только реалистические скульптуру и живопись. Характерные особенности стиля, степень реалистичности/условности и этапность трансформации канонов в отображении групповых физических особенностей древнего населения, в конце концов, «групповой» характер скульптурного материала – и определяют в совокупности «антропологическую достоверность» древних изобразительных памятников. Древние изображения человека определённой географической и хронологической приуроченности отражают соматическую типологию и своеобразие человеческих морфотипов, ретранслируя, на наш взгляд, «приоритетно оцениваемый физиономический комплекс», морфологическую основу, на которой «группа может маркировать ареал своего распространения» [Халдеева, 2004] и являются тем самым индикатором «свой-чужой» в системе имманентных установок человеческой психики. Экстраполируя антропоэстетические стратегии современных популяций на древние сообщества через посредство изображений человека в разных культурах, мы полагаем, что «портрет» может рассматриваться как синтез биологических (антропоэстетических, расовых) и социокультурных (этнических и др.) характеристик определённого человеческого сообщества определённой эпохи.

Согласно археологическим свидетельствам, феномен «искусства» появляется только в верхнем палеолите у *Homo sapiens*, но в эволюции гоминид проявление эстетических потребностей, не связанных с утилитарной составляющей, известно с нижнего палеолита. Из многочисленных определений «искусства», его выражение как высшей формы эстетической деятельности в ряду гоминид релевантно биологической сути этого явления. О многостороннем значении для антропологии палеолитического искусства говорил Я.Я. Рогинский [см. подробнее Шпак, 2015а]. Учёный предложил гипотезу биологического происхождения искусства, основанную на психофизиологии нашего восприятия и объясняющую побуждающие причины возникновения художественного творчества [Рогинский, 1982]. Изучение биологических основ эстетической деятельности человека относится к сфере «нейронаук», один из основных постулатов нейроэстетики, который активно развивается в настоящее время, состоит в том, что эволюция искусства и визуальная эстетика человека могут быть в значительной степени обусловлены биологическими (когнитивными) факторами, чем социокультурными [Kozbelt, 2021]. Несмотря на большую межкультурную изменчивость многих аспектов искусства, в эстетических предпочтениях и суждениях человека имеются многочисленные общие закономерности, что концептуально перекликается с вопросом о локальных различиях и, одновременно, большим сходством географически удалённых памятников первобытного искусства. В палеолитическом искусстве тема человека стоит на втором месте после анималистической. Основная часть изображений представлена в искусстве малых форм и касается она именно женских образов [Гвоздовер, 1985; Абрамова, 2010]. Изображения тела вариативны и свидетельствуют об эмоционально ценностном отношении палеолитических художников к «объекту» творчества, изображения головы и лица схематичны или вовсе отсутствуют. Если рассматривать антропологическую составляющую контекста женских изображений в палеолите, то для первобытного человека, действительно, изобразительная акцентуация на «семе» имеет адаптационный смысл и подобные изображения могли олицетворять собой

определённую антропоэстетическую ценность. Эстетический аспект предпочтения типа внешности относится к ряду значимых популяционных характеристик [Халдеева, 1995], о важности этого аспекта для полового отбора в ходе формирования современных рас говорил еще Ч. Дарвин. На примере европейской и сибирской групп палеолитических изображений нами была предпринята попытка соматотипирования для изучения межгрупповых различий в изображении телосложения [Шпак, 2015б]. Если исходить из гипотезы реального существования изображённых индивидов, то результаты свидетельствуют о локальном своеобразии антропоэстетического выбора и возможной тенденции полового отбора на основе определённых морфологических предпочтений, переданных в скульптуре. Это не означает, что антропоэстетической ценностью не обладали физиономические признаки – роль морфотипа как эволюционного фактора в процессе расообразования была особенно велика. Несмотря на то, что попытки индивидуализации лица на женских скульптурках единичны, а вопрос с графическими «портретными» изображениями в палеолитическом искусстве остаётся открытым [например, см. Henry-Gambier et al., 2007; Chisena, Delage, 2018], эти феномены, безусловно, свидетельствуют об образном мышлении и художественном новаторстве редких одарённых личностей. Однако, мнения разных исследователей об образном осмыслении действительности палеолитическим художником и отображении палеолитическим искусством внешнего мира спорны и даже противоположны. От невозможности существования «образности» в палеоискусстве из-за отсутствия обобщающей и классифицирующей деятельности у кроманьонцев [Куценков, 2007], до гипотетической возможности отражения в нём (на примере скульптурной группы) структурных особенностей древней общины и её половозрастной иерархии [Филиппов, 2004]. По мнению многих авторов, способность передать на плоскости воспринимаемый трёхмерный объект окружающего мира в двух измерениях не может восприниматься как потребность изображения этого мира палеолитическим художником. Другие авторы, напротив, считают, что создание *de-louvo* двух- и трёхмерных изображений в палео-

литическом искусстве является качественно новым синтезом (цвет, символизм, использования модификаций природной среды), фундаментальным изменением, связанным с познанием, которое концептуально эквивалентно современному, равно как и искусство [Morriss-Kay, 2010].

Художественная деятельность человека эволюционировала параллельно с развитием человеческого интеллекта и накоплением знаний, которые постепенно формировали ценностное отношение к человеческой личности, в полной мере отразившееся в эволюции портрета. Однако культурная и биологическая эволюция человека не являлись синхронными в разных сообществах, в неолите происходит существенный разрыв в развитии древних культур. В неолитических и энеолитических памятниках, принадлежащим различным культурам древних земледельцев, появляется большое количество антропоморфной скульптуры и пластики, которая отличается локальным своеобразием и региональными стилями [Антонова, 1977; Палагута, 2012]. Основная масса изображений также соотносится с женскими образами, но в отличие от палеолитических изображений на скульптуре детализируется лицо – часто присутствуют намеренно подчеркнутые изображения глаз. Семантика антропоморфной скульптуры связана с особой ролью женских образов и большой их значимостью в первобытной религиозной символике и культах. С периода неолита прослеживаются самые ранние артефакты (маски, моделирование по черепу и др.), которые можно соотносить с началом портретного направления изображений, связанного с культом предков и погребальным культом. В бронзовом веке в III тыс. до н.э. появляются первые индивидуальные скульптурные портреты раннегосударственных правителей, знаменующих собой репрезентативную портретную линию. Комплексы переднеазиатских скульптурных изображений в качестве сравнительного к краниологическому материалу изучал В.В. Бунак, он пришёл к выводу, что эти изображения «...не могут быть понимаемы иначе, как отражение расовых особенностей народов, создавших эти скульптуры» [Бунак, 1927, с. 201]. На протяжении бронзового века практически на всём евразийском пространстве получает распространение погребальная маска: в крито-

микенском Средиземноморье, в Египте, Западной Азии, степной зоне Украины, Средней Азии, Сибири [Кожин, 2007]. На примере более поздних по времени таштыкских масок, опыт антропологического изучения подобного сложного материала показал необходимость создания специальной измерительной и описательной методик [Дебец, 1948]. В Древней Европе, в италийских культурах маска также является характерным признаком погребальной атрибутики, в течение железного века она трансформируется в скульптурный погребальный портрет у этрусков и римлян, сохраняясь в культе предков у римлян. В греко-римском Египте погребальная портретная маска существует как в скульптурном, так и в живописном исполнении. Эти реалистические живописные портреты, получившие название «фаюмских», выполнялись с натуры ещё при жизни человека. Поскольку они представляют собой одну из древнейших серий реалистических персональных изображений, выполненных в одной технике и на одной территории, их рассмотрение с точки зрения популяционной антропологии представляется очень актуальным [Перевозчиков с соавт., 2012]. Мужская и женская выборки (81 и 72 портрета) оказались схожи как по описательным признакам, так и по обобщённым портретам, что является характерной чертой для выборок из однородной популяции. Фаюмская выборка, отображающая этнически смешанное население Египта первых веков нашей эры, при обобщении индивидуальных изображений демонстрирует классический средиземноморский антропологический тип и может служить своеобразным репером при дальнейших исследованиях древних средиземноморских групп. Антропологическое исследование фаюмского портрета не завершено и в наши дальнейшие планы входит: изучение выборок на более представительном по численности материале, получение обобщённых портретов населения разных возрастных когорт, изучение египетских погребальных скульптурных масок из штука, синхронных фаюмскому портрету.

Более древняя серия рассмотренных нами изображений античного Средиземноморья представлена этрускими изобразительными источниками. Изучение антропологии этрусков через описание внешнего вида населения по разным

видам изображений было обусловлено, в том числе, и рассмотрением полученных результатов в свете проблемы происхождения этрусков [Перевозчиков, Шпак, 2018]. Были описаны: погребальная живопись VI–II вв. до н.э. (142 мужских и 49 женских изображений) и скульптурный портрет V-I вв. до н.э. (145 мужских и 108 женских портретов, преимущественно вотивные терракотовые головы). Полученные по двум выборкам внутригрупповые вариации описательных морфологических признаков, в силу специфики материала, отличалась: антропологический тип, определяемый по фрескам, был ближе всего к средиземноморскому, обобщённые скульптурные портреты демонстрировали сочетание признаков как средиземноморского, так и балкано-кавказского антропологического типа. Для дальнейшего сравнительного изучения этрусского населения по изобразительным источникам мы планируем привлечь материал по погребальной скульптуре. Полихромный характер античной живописи у этрусков и других этнических групп Средиземноморья позволил провести предварительное исследование полиморфизма пигментации античного населения (947 мужских и женских изображений) на основе изобразительных данных [Шпак, 2019], в качестве сравнительного материала была впервые применена греческая вазопись и египетские фрески. Выявленные любопытные результаты по частотам депигментации в греческой и римской выборках изображений требуют дальнейшей интерпретации и изучения на более объёмном материале. Привлечение изобразительных источников для изучения изменчивости пигментации древнего населения, на наш взгляд, перспективно, поскольку сравнительное исследование полиморфизма древних и современных популяций является важной задачей расоведения и этнической антропологии. В этой связи у нас имеются планы по дальнейшему изучению полиморфизма пигментации с более широким привлечением материалов: греческая и римская скульптура в контексте «цветной античности», полихромные инкрустации глаз на египетской, греческой, римской скульптуре, продолжение изучения греческой вазописи.

Общие историко-культурные традиции и географическая близость городов Южной Этру-

рии и Лациума во многом определили характер развития портрета в изобразительном искусстве этрусков и римлян [см. подробно Шпак, 2020]. До II века до н.э. римский портрет развивался в контексте центрально-италийского физиономического портрета, который явился основой всего западноевропейского портрета. Основная масса республиканских портретов относится к началу I века до н.э. Об уровне портрета времён ранних периодов римской республики мы можем судить на примере сохранившихся центрально-италийских, по сути, этрусских портретов IV-II вв. до н.э. (бронзовая скульптура, надгробные и вотивные портреты), а также по римским копиям портретов военно-политической элиты. На основе доступных изображений римского республиканского скульптурного портрета были получены обобщённые портреты по римской выборке (62 мужчины / 30 женщин) и сравнены с синхронными этрусско-италийскими (57/43) и римскими (16/25) вотивными портретами [Шпак, 2021]. Обобщённые портреты показали, что морфологические отличия, наблюдаемые по двум отличительным изобразительным формам, довольно существенны и демонстрируют антропологические варианты, выходящие за пределы морфологической изменчивости внутри одной группы. Результаты сравнения будут в дальнейшем проверены по индивидуальным описательным данным, основные отличия наблюдаются по ширине носа, высоте верхней губы, орбитальной части лица. В планы по дальнейшему изучению римского скульптурного портрета входит получение новых выборок, в том числе по портрету из римских провинций, изучение морфологической изменчивости римского населения, отображённого в разные хронологические периоды в скульптуре.

При работе с тематической литературой по вотивным терракотовым портретам мы выяснили, что в искусствознании и археологии имеется ряд вопросов, рассмотрение которых в контексте физической антропологии может, по крайней мере, приблизить к решению некоторых из них: назначение и смысл данного типа вотивов, портретность вотивных голов и степень влияния греческого портрета. В процессе антропологического изучения вотивов и других древних изображений, например, погребальных фресок этрусков, мы вплотную сталкиваемся с изображи-

тельной типологией физического облика человека под влиянием греческих изобразительных канонов. Вотивные портреты, в основной их массе, принято рассматривать как обобщённые образы, на которые оказывали художественное влияние образцы греческой скульптуры. Но наблюдаемая индивидуальная изменчивость морфологии лица на вотивах свидетельствует о том, что этрусские и римские художники, могли разрабатывать аутентичные портретные формы на основе морфологических прототипов из своей антропологической среды.

По поводу возможности использования в расоведении и этнической антропологии древних изобразительных источников в обобщённых и типологизированных формах, высказывались многие известные антропологи и применяли их в своей работе. Древняя мелкая пластика в качестве антропологического источника, казалась Илье Васильевичу Перевозчикову интересной и не бесперспективной, но довольно аморфной в связи с отсутствием методики её описания. Так, например, остались его некоторые заметки по итогам ознакомления с фотоизображениями по древней антропоморфной бронзовой пластике Кавказа [Брилёва, 2012]. В личной беседе также он рассказывал о своём давнем «полевом» опыте изучения хотанских древностей Восточного Туркестана в Эрмитаже, а именно терракотовых статуэток и головок, датируемых первыми веками нашей эры. Используя программу описательных признаков (там, где это было возможно), он пришёл к выводу о том, что наблюдаемая изменчивость черт лица на скульптуре позволяет выделить четыре антропологических варианта изображённого населения. Готовя данную публикацию, автор ознакомился с каталогом изображений хотанских древностей и «кочевой» музейной историей туркестанских артефактов в 30-х годах прошлого века [Дьяконова, Сорокин, 1960; Иванов, Кий, 2020]. Численность хотанской антропоморфной терракоты (54 мужских и женских фигурки, 97 женских и 55 мужских терракотовых голов) позволяет выявить внутрigrупповые вариации, которые могут отражать типологическое разнообразие, переданное в скульптуре. Древний Хотан, в силу своего историко-географического положения находился в зоне активной миграции

античного населения и характеризовался сложным этническим составом. Проведённая И.В. Перевозчиковым работа, насколько известно, не была оформлена публикацией, но творческий задел этого исследования очевиден, особенно, как нам видится, в сравнительном аспекте изучения скульптурных изображений человека в искусстве греко-восточных государств и азиатских государств уже позднеантичного времени.

Заключение

Антропологическое изучение памятников материальной культуры и произведений искусства на основе методов обобщённого портрета и описательного морфологического анализа имеет междисциплинарный характер и представляется перспективным для дальнейшего исследования морфологической изменчивости древних популяций и изучения ранних этапов портретного искусства. Реалистические изображения человека, начиная с доисторического времени, проходя все стадии эволюции до появления «персонального» портрета уже Нового времени могут трактоваться, в том числе, и с точки зрения антропологии и антропоэстетики как результат синтеза биологических и социальных потребностей человека в аутоидентификации. В этой связи древние изображения человека и эволюция «портрета» могут изучаться в контексте исторической антропологии и быть ценным междисциплинарным инструментом познания биологического и социального в человеке. Бесценные ресурсы мирового культурного наследия, которые содержат изобразительную информацию о древних популяциях, требуют междисциплинарного приложения знаний, идей и заинтересованности специалистов не только биологического профиля, но и смежных областей гуманитарного знания. Интернет-пространство делает практически безграничными возможности изучения произведений искусства и памятников материальной культуры в плане сбора материала, а множество задуманных задач может быть решено будущими антропологами.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке госфинансирования по теме НИР (номер ЦИТИС: АААА-А19-119013090163-2).

Библиография

Абрамова З.А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2010. 304 с.

Алексеев В.П. Проблема расы в современной антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука. 1980. С. 3–25.

Алексеева Т.И., Виниченко И.Ф., Павловский О.М. Фотопортрет как средство объективизации антропологической методики // Вопросы антропологии, 1979. Вып. 63. С. 45–52.

Алексеева Т.И. Коллекции Музея антропологии МГУ – неиссякаемый источник знаний о природе и истории человека // Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина). М.: МГУ, 1993. С. 4–7.

Алексеева Т.И. Отечественное расоведение в 20 веке // Антропология на пороге III тысячелетия (итоги и перспективы). Москва, 2002. С. 11–12.

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука. 1977. 152 с.

Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: Таус. 2012. 423 с.

Бунак В.В. *Crania armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. М.: Наука и Просвещение. 1927. 290 с.

Бунак В.В. Антропометрия. М.: УЧПЕДГИЗ. 1941. 368 с.

Бунак В.В. Фотопортреты как материал для определения вариаций строения головы и лица // Советская антропология, 1959. Т. III. В.2. С. 3–29.

Вергелес М.О. Антропологическая достоверность портретных изображений // Археология, этнография и антропология Евразии, 2018. Т. 46. № 3. С. 146–152. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.146-152.

Гвоздовер М.Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии, 1985. Вып. 75. С. 27–66.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л.: АН СССР. 1948.

Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (терракота и штук). Л.: Гос. Эрмитаж. 1960. 128 с.

Ефимова С.Г., Балахонова Е.И., Булочникова Е.В. Учёные и собиратели антропологического музея. М.: Параллели. 2015. 118 с.

Ефимова С.Г., Сухова А.В. Коллекции рисунков Я.Я. Рогинского в фондах Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2015. № 3. С. 105–114.

Иванов Д.В., Кий Е.А. Археологические предметы из Восточного Туркестана в Музее антропологии и этнографии // Кунсткамера, 2020. № 2 (8). С. 66–80. DOI: 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-66-80.

Кожин П.М. Дарующий вечность (портрет в Евразийской истории) // Вестник антропологии, 2007. Вып. 15. С. 31–36.

Локк К.Э. Эволюция первобытного и традиционного искусства (на материале Евразии и Тропической Африки): Автореф. дисс. ... д-ра культурологии, 2007, 46 с.

Локк К.Э. Живописный портрет как источник антропологической информации (методические аспекты). Дисс....канд. биол. наук, 2011. 160 с.

Локк К.Э., Перевозчиков И.В., Сухова А.В., Тихомиров М.Н. Антропологическое описание российских офицеров начала XIX века по материалам живописных портретов Военной галереи Зимнего дворца // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2012. № 3. С. 4–11.

Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет как источник антропологической информации. Дисс.... канд. биол. наук, 2006. 162 с.

Маурер А.М., Перевозчиков И.В. Региональные обобщенные портреты великорусов по материалам Русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Науч. Мир. 1999. С. 95–108.

Павловский О.М., Перевозчиков И.В. Обобщенные фотопортреты некоторых групп населения Средней Азии // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 56. С. 117–125.

Палагута И.В. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э.). СПб.: Алетейя. 2012. 336 с.

Перевозчиков И.В. Основы антропологической фотографии. М.: МГУ. 1987. 60 с.

Перевозчиков И.В., Давыдова Д.С. Опыт антропологического описания населения Европы XV–XIX вв. по портретной живописи // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН. 2006. С.101–102.

Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты. Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2009. №1. С. 35–44.

Перевозчиков И.В. 35 лет деятельности лаборатории расоведения. Темы, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2010. № 3. С. 25–31.

Перевозчиков И.В., Локк К.Э., Сухова А.В., Тихомиров М.Н. Результаты антропологического изучения портретной живописи России XVIII–XIX веков // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2011. №1. С. 25–36.

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю., Шимановская А.С. К антропологии Фаюмского оазиса I – IV веков нашей эры // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2012. №4. С. 127–133.

Перевозчиков И.В., Вергелес М.О., Шпак Л.Ю., Сухова А.В. К антропологической характеристике населения Амстердама XVI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2015. № 4. С. 97–106.

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю. К антропологии этрусков // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2018. №1. С. 73–85.

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю. Обобщенный портрет и мысленный образ // Известия Института антропологии МГУ. 2020. Вып. 8. С.102–108.

Рогинский Я.Я. Об истоках возникновения искусства. М.: МГУ. 1982. 32 с.

Рогинский Я.Я. Изучение палеолитического искусства и антропология // Вопросы антропологии, 1965. Вып. 21. С. 151–157.

Трофимова А.А. Об истории искусства портрета // Каталог выставки «Искусство портрета» из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2018. С. 4–10.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: «Сохранение природы и культурного наследия». 2004. 224 с.

Халдеева Н.И. Расогенетические аспекты изучения эстетического предпочтения морфотипа // Современная антропология, генетика и проблема рас у человека. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 237–244.

Халдеева Н.И. Антропозстетика. Опыт антропологических исследований. М.: ИЭА РАН. 2004. 343 с.

Цветкова Н.Н. Антропологическая фотография как источник для исследования по этнической антропологии: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук, 1976, 32 с.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова А.И. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука. 1985. 271 с.

Шпак Л.Ю. Эстетическое восприятие как биологическое свойство человека разумного (К вопросу о происхождении искусства в работах Я.Я. Рогинского) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2015а. №3. С. 115–122.

Шпак Л.Ю. Древние изображения человека: оценка информативности в контексте их применения в физической антропологии // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2015б. №4. С. 116–125.

Шпак Л.Ю. Полиморфизм пигментации в античном Средиземноморье по материалам изобразительного искусства // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2019. № 2. С. 100–106. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.2.100-106.

Шпак Л.Ю. Изображение человека в вотивной традиции античного Средиземноморья (по литературным данным) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2020. №4. С. 138–152. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.4.138-152.

Шпак Л.Ю. Римский скульптурный портрет и вотивный портрет республиканского времени (предварительные сравнительные данные по обобщённым портретам) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология, 2021. № 3. С. 85–97. DOI: 10.32521/2074-8132.2021.3.085-097.

Сведения об авторе

Шпак Лариса Юрьевна; к.б.н.; ORCID: 0000-0002-6936-9426; larusparus@mail.ru.

Поступила в редакцию 16.05.2022,
принята к публикации 07.06.2022.

Shpak L. Yu.

*Lomonosov Moscow State University, Anuchin Institute and
Museum of Anthropology, Mokhovaya str., 11, Moscow, 125009, Russia*

ANTHROPOLOGY AND ART (ABOUT SOME RESULTS AND PLANS OF THE ANTHROPOLOGICAL STUDY OF ANCIENT AND MODERN POPULATIONS BASED ON FINE ART)

Introduction. *The article is devoted to a retrospective review of the results of the anthropological study of fine art sources, achieved by the race research laboratory directed I.V. Perevozchikov that are currently ongoing.*

Materials and methods. *Descriptions of materials and methods are detailed in the main articles of the team cited in the bibliography.*

Results and discussion. *The anthropological study of fine art is a new interdisciplinary direction in anthropology; it is carried out in two directions: 1) the western european portraiture and russian portraiture, 2) the ancient sculpture and painting. The idea of using ancient human images in anthropology is not new, but the population approach to the analysis of series of images belongs to I.V. Perevozchikov. About one and a half thousand portraitures were described as samples from populations, anthropological characteristics and estimates of homogeneity of populations based on composite portraits were studied. Anthropological description of the ancient population of the Mediterranean was obtained from samples: fayum portrait, roman sculptural portrait, etruscan portrait. In the evolution of the portrait, certain stages of the reflection of the physical individuality are determined; human images can be viewed from the anthropoesthetic standpoint as markers of a person's biological and social needs for self-identification.*

Conclusion. *Combination of the descriptive method and the composite portrait for studying ancient and modern portraits makes it possible to obtain objective data on the anthropological types of the depicted population. Obtaining anthropological information about ancient populations contained in a variety of art resources of the cultural heritage requires an interdisciplinary synthesis of scientific ideas and knowledge of specialists in the natural sciences and the humanities.*

Keywords: ethnic anthropology; anthropoesthetics; historical anthropology; primitive art; ancient art; antique portrait; portraiture

References

- Abramova Z.A. *Drevnejshij obraz cheloveka: Katalog po materialam paleoliticheskogo iskusstva Evropy* [The most ancient image of man: A catalog based on the materials of the Paleolithic art of Europe]. St. Petersburg, Peterburgskoe Voskovedenie Publ., 2010. 304 p. (In Russ.).
- Alekseev V.P. Problema rasy v sovremennoj antropologii [The problem of race in modern anthropology]. In *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern problems and new methods in anthropology]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 3–25. (In Russ.).
- Alekseeva T.I., Vinichenko I.F., Pavlovskij O.M. Fotoportret kak sredstvo obektivizacii antropologicheskoy metodiki [Photo portrait as an agency of objectifying anthropological methods]. *Voprosy antropologii* [Problems of Anthropology], 1979, 63, pp. 45–52. (In Russ.).
- Alekseeva T.I. Kolekcii Muzeja antropologii MGU – neissjakaemyj istochnik znaniy o prirode i istorii cheloveka [The collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University are an inexhaustible source of knowledge about the nature and history of man]. In *Antropologija i istorija kul'tury (po materialam kolekcij NII i Muzeja antropologii MGU)* [Anthropology and the history of culture (based on the collections of the Research Institute and the Museum of Anthropology of the Moscow State University named after N. Anuchin)]. Moscow, MGU Publ., 1993, pp. 4–7. (In Russ.).
- Alekseeva T.I. Otechestvennoe rasovedenie v 20 veke [Russian race science in the 20th century]. In *Antropologija na poroge III tysjacheletija (itogi i perspektivy)* [Anthropology at the beginning of the III millennium (results and prospects)]. Moscow, 2002, pp. 11–12. (In Russ.).
- Antonova E.V. *Antropomorfnaia skulptura drevnih zemledel'cev Perednej i Srednej Azii* [Anthropomorphic sculpture of ancient agriculturalist of Western and Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 152 p. (In Russ.).
- Brijlova O.A. *Drevnjaja bronzovaja antropomorfnaia plastika Kavkaza (XV v. do n.je. – X v. n.je.)* [Ancient bronze anthropomorphic sculpture of the Caucasus (15th century BC – 10th century AD)]. Moscow, Taus Publ., 2012. 423 p. (In Russ.).
- Bunak V.V. *Crania armenica. Issledovanie po antropologii Perednej Azii* [Crania armenica. Anthropological studies of Western Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1927. 290 p. (In Russ.).
- Bunak V.V. *Antropometrija* [Anthropometry]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 368 p. (In Russ.).
- Bunak V.V. Fotoportrety kak material dlja opredelenija variacij stroenija golovy i lica [Photographs as a material for determining variations in the structure of the head and face]. *Sovetskaja antropologija* [Soviet anthropology], 1959, 3 (2), pp. 3–29 (In Russ.).
- Vergeles M.O. Antropologicheskaja dostovernost' portretnyh izobrazhenij [Realism of face depiction in portraiture]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2018, 46 (3), pp. 146–152 (In Russ.).
- Gvozdover M.D. Tipologija zhenskikh statuetok kostenkovskoj paleoliticheskoy kul'tury [Typology of female figurines of the Kostenkovskaya Paleolithic culture]. *Voprosy antropologii* [Problems of Anthropology], 1985, 75, pp. 27–46. (In Russ.).
- Debec. G.F. *Paleoantropologija SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow, Leningrad, 1948. (In Russ.).
- D'jakonova N.V., Sorokin S.S. *Hotanskije drevnosti. Katalog hotanskij drevnostej, hranjashhihsja v Otdelje Vostoka Gosudarstvennogo Jermitazha (terrakota i shtuk)* [Khotan antiquities. Catalog of Khotan antiquities kept in the Oriental Department of the State Hermitage (terracotta and stucco)]. Leningrad, Gos. Jermitazh Publ., 1960. (In Russ.).
- Efimova S.G., Balakhonova E.I., Bulochnikova E.V. *Uchjonye i sobirately antropologicheskogo muzeja* [Scientists and collectors of the anthropological museum]. Moscow, Paralleli Publ., 2015. 118 p. (In Russ.).
- Efimova S.G., Sukhova A.V. Kolekcii risunkov Y.Y. Roginskogo v fondah Muzeja antropologii MGU imeni M.V. Lomonosova [Collections of drawings in the funds of the Museum of Anthropology]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologija], 2015, 3, pp. 105–114. (In Russ.).
- Ivanov D.V., Kij E.A. Arheologicheskie predmety iz Vostochnogo Turkestana v Muzee antropologii i jetnografii [Archaeological artifacts from East Turkestan in the Museum of anthropology and ethnography]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2020, 2, pp. 66–80. (In Russ.).
- Kozhin P.M. Darujushhij vechnost' (portret v Evrazijskoj istorii) [The giving itemity (the portrait in Eurasian history)]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2007, 15, pp. 31–36. (In Russ.).
- Kucenkov P.A. *Jevoljucija pervobytnogo i tradicionnogo iskusstva (na materiale Evrazii i Tropichestkoj Afriki)* [The evolution of primitive and traditional art (on the material of Eurasia and Tropical Africa)] PhD in Culturology Thesis. Moscow, 2007. 46 p. (In Russ.).
- Lokk K.E. *Zhivopisnyj portret kak istochnik antropologicheskaj informacii (metodicheskie aspekty)* [Portraiture as a source of anthropological information (methodological aspects)]. PhD in biology. Moscow, 2011. 160 p. (In Russ.).
- Lokk K.E., Perevozchikov I.V., Sukhova A.V., Tihomirov M.N. Antropologicheskoe opisanie rossijskijh oficerov nachala XIX veka po materialam zhivopisnyh portretov Voennoj galerei Zimmego dvorca [Anthropological description of russian officers early 19th century based on portraits painting of the Winter palace war gallery]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologija], 2012, 3, pp. 4–11. (In Russ.).
- Maurer A.M. *Obobshhennyj fotoportret kak istochnik antropologicheskaj informacii* [Composite photo portrait as a source of anthropological information]. PhD in biology. Moscow, 2006. 162 p. (In Russ.).
- Maurer A.M., Perevozchikov I.V. Regional'nye obobshhennye portrety velikorusov po materialam Russkoj antropologicheskaj jekspedicii 1955–1959 gg. [Regional composite portraits of great russians based on the materials of the russian anthropological expedition]. In *Vostochnye slavjane. Antropologija i jetnicheskaja istorija* [East Slavs. Anthropology and ethnic history]. Moscow, Nauch. Mir Publ., 1999, pp. 95–108. (In Russ.).
- Pavlovskij O.M., Perevozchikov I.V. Obobshhjonnye fotoportrety nekotoryh grupp naselenija Srednej Azii [Composite photographic portraits of some groups of the population of Central Asia]. *Voprosy antropologii* [Problems of Anthropology], 1977, 56, pp. 117–125. (In Russ.).
- Palaguta I.V. *Mir iskusstva drevnih zemledel'cev Evropy (kul'tury balkano-karpatskogo kruga v VII-III tys. do n.je.)* [The world of art of the ancient agriculturists of Europe (the cultures of the Balkan-Carpathian circle in the 7th-3rd millennium BC)]. St. Petersburg, Aleteja Publ., 2012, 336 p. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V. *Osnovy antropologicheskaj fotografii* [Elements of anthropological photography]. Moscow, MGU Publ., 1987. 60 p. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Davydova D.S. Opyt antropologicheskogo opisanija naselenija Evropy XV–XIX vv. po portretnoj zhivopisi [Anthropological description of the population of Europe in the 15th–19th centuries. in portraiture] In *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoj antropologii* [Some actual problems of modern anthropology]. St. Petersburg, 2006, pp. 101–102. (In Russ.).

- Perevozchikov I.V., Maurer A.M. Obobshhjonnyj fotoportret: istorija, metody, rezul'taty [Composite photoportraits: history, methods, results]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2009, 1, pp. 35–44. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V. 35 let dejatel'nosti laboratorii rasovedenija. Temy, metody, rezul'taty [35 years of activities of race research laboratory. Topics, methods and outputs]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2010, 3, pp. 25–31. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Lokk K.E., Sukhova A.V., Tihomirov M.N. Rezul'taty antropologicheskogo izuchenija portretnoj zhivopisi Rossii XVIII–XIX vekov [Results of anthropological investigation of portrait painting Russia, 18th–19th centuries]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2011, 1, pp. 25–36. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Shpak L.Yu., Shimanovskaja A.S. K antropologii Fajumskogo oazisa I – IV vekov nashej jery [The anthropology of the Fayum oasis 1st – 4th centuries AD]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2012, 4, pp. 127–133. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Vergeles M.O., Shpak L.Yu., Sukhova A.V. K antropologicheskoi karakteristike naselenija Amsterdama XVI–XVII vv. [The anthropological characteristics of the population of Amsterdam from the 16th–17th centuries]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2015, 4, pp. 97–106. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Shpak L.Yu. K antropologii jetruskov [To the anthropology of the etruscans]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2018, 1, pp. 73–85. (In Russ.).
- Perevozchikov I.V., Shpak L.Yu. Obobshhjonnyj portret i mystennyj obraz [Composite portrait and mental image]. In *Izvestija Instituta antropologii MGU* [Proceedings of the Institute of anthropology MSU]. Moscow, 2020, 8, pp. 102–108. (In Russ.).
- Roginskij Ya.Ya. *Ob istokah vozniknovenija iskusstva* [On the origins of art]. Moscow, MGU Publ., 1982. 32 p. (In Russ.).
- Roginskij Ja.Ja. Izuchenie paleoliticheskogo iskusstva i antropologija [The study of Paleolithic art and anthropology]. *Voprosy antropologii* [Problems of Anthropology], 1965, 21, pp. 151–157. (In Russ.).
- Trofimova A.A. Ob istorii iskusstva portreta [On the history of the art of portrait]. In *Katalog vystavki «Iskusstvo portreta» iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitezha* [Catalog of the exhibition "The Art of Portraiture" from the collection of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, AO Slavija Publ., 2018, pp. 4–10. (In Russ.).
- Filippov A.K. *Haos i garmonija v iskusstve paleolita* [Chaos and harmony in Paleolithic art]. St. Petersburg, Sohranenie prirody i kul'turnogo nasledija Publ., 2004. 224 p. (In Russ.).
- Haldeeva N.I. Rasogeneticheskie aspekty izuchenija jesteticheskogo predpochtenija morfotipa [Rasogenetic aspects of the study of the aesthetic preference of the morphotype]. In *Sovremennaya antropologija, genetika i problema ras u cheloveka* [Modern anthropology, genetics and the problem of races in humans]. Moscow, IJeA RAN Publ., 1995, pp. 237–244. (In Russ.).
- Haldeeva N.I. *Antropojestetika. Opyt antropologicheskij issledovanij* [Anthropo-aesthetics. Anthropological research experience]. Moscow, 2004. 343 p. (In Russ.).
- Cvetkova N.N. *Antropologicheskaja fotografija kak istochnik dlja issledovanija po etnicheskoi antropologii* [Anthropological photography as a source for research in ethnic anthropology]. PhD in History Thesis. Moscow, 1976. 32 p. (In Russ.).
- Cheboksarov N.N., Cheboksarova A.I. *Narody. Rasy. Kul'tury* [Peoples. Races. Cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russ.).
- Shpak L.Yu. Jesteticheskoe vosprijatie kak biologicheskoe svojstvo cheloveka razumnogo (K voprosu o proishozhdenii iskusstva v rabotah Ja.Ja. Roginskogo) [Aesthetic perception as a biological characteristic of Homo sapiens (Y.Y. Roginsky's opinion on the origin of art)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2015a, 3, pp. 115–122. (In Russ.).
- Shpak L.Yu. Drevnie izobrazhenija cheloveka: ocenka informativnosti v kontekste ih primenenija v fizicheskoj antropologii [Ancient images of man: information content and its application in physical anthropology]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2015b, 4, pp. 116–125. (In Russ.).
- Shpak L.Yu. Polimorfizm pigmentacii v antichnom Sredizemnomor'e po materialam izobrazitel'nogo iskusstva [Pigmentation polymorphism in the ancient Mediterranean on the materials of fine art]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2019, 2, pp. 100–106. (In Russ.).
- Shpak L.Yu. Izobrazhenie cheloveka v votivnoj tradicii antichnogo Sredizemnomor'ja (po literaturnym dannym) [The image of a person in the votive tradition of the ancient Mediterranean (according to literary sources)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2020, 4, pp. 138–152. (In Russ.).
- Shpak L.Yu. Rimskij skul'pturnyj portret i votivnyj portret respublikanskogo vremeni (predvaritel'nye sravnitel'nye dannye po obobshhjonnyj portretam) [Roman sculptural portrait and votive portrait of the Roman republic time (preliminary comparative data on composite portraits)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2021, 3, pp. 85–97. (In Russ.).
- Chisena S. Delage C. On the Attribution of Palaeolithic Artworks: The Case of La Marche (Lussacles-Châteaux, Vienne). *Open Archaeology*, 2018, 4, pp. 239–261. DOI: 10.1515/opar-2018-0015.
- Henry-Gambier D., Beauval C., Airvaux J., Aujoulat N., Baratin J.F. et al. New hominid remains associated with gravettian parietal art (Les Garennes, Vilhonneur, France). *J. Hum. Evol.*, 2007, 53, pp. 747–750. DOI:10.1016/j.jhevol.2007.07.003.
- Kozbelt A. The Aesthetic Legacy of Evolution: The History of the Arts as a Window Into Human Nature. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12, pp. 1–4. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.787238.
- Maurer A.M., Savinetsky A.B., Syroezhkin G.V. New computer program «face-on-face» as a new practical anthropological virtual instrument. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moscovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2014, 3, pp. 35–35.
- Morriss-Kay G. M. The evolution of human artistic creativity. *J. Anat.*, 2010, 216, pp. 158–176. DOI: 10.1111/j.1469-7580.2009.01160.x.

Information about Author

Shpak Larisa Yu.; PhD; ORCID: 0000-0002-6936-9426; larusparus@mail.ru.